

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-6-19
УДК 327

Владимир Васильев

США против России в эпоху информационных войн 2.0. Размышления о диалогах в одной книге

Аннотация. Дискуссия между российским тележурналистом Д.К. Киселёвым и его американским визави Н.В. Злобиным на страницах книги «Битва за глубоко личное» вполне может претендовать на статус программного документа эпохи новой информационной войны. В ней нашли отражение базовые алгоритмы идейного противостояния между Россией и «коллективным Западом»; сильные и слабые стороны платформ, с которыми вступили в «битву за глубоко личное» широкие слои российской и американской общественности; формирующийся климат дискурса в обеих странах. Анализ этой полемики и ее контекста подводит автора статьи к выводу, что информационная война между Россией и США будет носить длительный характер, а по накалу и остроте во многих аспектах даже превзойдет идейное противоборство периода холодной войны.

Ключевые слова: информационные войны, российско-американские отношения, «странные аттракторы», культурная война, цивилизационное развитие, мироустройство XXI в.

Киселёв Д., Злобин Н. – М.: Эксмо, 2019. – 448 с.

В начале 2019 г. в одном из московских издательств вышла в свет книга «Киселёв vs Zlobin. Битва за глубоко личное» [Киселёв, Злобин], побуждающая к самым серьезным размышлениям. Развернувшаяся на ее страницах дискуссия между известным российским тележурналистом, заместителем генерального директора ВГТРК, генеральным директором российского международного информационного агентства «Россия сегодня» Д.К. Киселёвым и президентом Центра глобальных интересов (г. Вашингтон, США) Н.В. Злобиным¹, выходит далеко за рамки публицисти-

---

1 Мы не в первый раз обращаемся к анализу высказываний президента вашингтонского Центра глобальных интересов Н.В. Злобина [См., в частности: Васильев Меняющаяся Америка... Васильев Анатомия трампазма...]. Благодаря российским СМИ Н. Злобин хорошо известен широкой российской аудитории, в том числе и ученым-обществоведам, не только как специалист по широкому кругу международных проблем, но и в качестве пропагандиста, отражающего и отстаивающего идеологию официального Вашингтона.

Сведения об авторе: ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич – главный научный сотрудник Центра экономических исследований Института США и Канады РАН, доктор экономических наук; vsvasiliev@mail.ru.

ческой полемики. По сути, она вполне может претендовать на статус своеобразного программного документа эпохи информационных войн 2.0. В ней нашли отражение ряд базовых алгоритмов идейного противостояния между Россией и «коллективным Западом»; сильные и слабые стороны платформ, с которыми уже вступили в «битву за глубоко личное» не только авторы книги, но и широкие слои российской и американской общественности; формирующийся климат общественного дискурса в обеих странах.

Идеологическая «разведка боем»

Доходчивое изложение обсуждаемых в публикации проблем общественной жизни России и США, понятное «широким читательским массам», не должно вводить в заблуждение. Н. Злобин не был бы представителем Вашингтона, регулярно бывающим в Москве и в России, если бы потенциально не был способен бы на решение «невыполнимой миссии». Для Н. Злобина Д. Киселёв – это прежде всего «главный пропагандист, главный рупор Кремля» [Киселёв, Злобин, с. 47], прекрасно осведомленный о настроениях в высших эшелонах российской власти. Поэтому основная задача американского политолога – составить четкое и логически артикулированное представление о современной идеологической стратегии и тактике высшего политического руководства России в его информационном противостоянии с Америкой.

Собственно говоря, Н. Злобин и не скрывает этой главной цели диалогов, прямо спрашивая у Д. Киселёва: «Объясни мне механизм. Как все происходит. Я хорошо знаю, как это происходит в западных, например, агентствах (информационных – В.В.). А как у тебя?» [Киселёв, Злобин, с. 49]. Основная «гипотеза» Злобина при этом строится на том, что в современных условиях российские СМИ просто воспроизвели принципы и практику информационной войны с США времен холодной войны. Однако ответ Киселёва озадачивает Злобина. «Если тебя интересует Кремль, – говорит ведущий авторской программы «Вести недели», – то я туда на летучки не хожу». Для Злобина это звучит как откровение: «Не ходишь, так-так... Тебе звонят? Или фельдъегерь доставляет пакет?» [Киселёв, Злобин, с. 49].

Д. Киселёв прекрасно понимает смысл и дальний прицел этих «наивных» расспросов: «Ты все ищешь какую-то скрытую конструкцию руководства ... из Кремля. То есть должен быть какой-то тайный человек, который на самом деле нами всеми руководит? Но какой смысл в подобной конспирации? ... Впрочем, кто-то думает, что для «Вестей недели» мне в Кремле пишут тексты...» [Киселёв, Злобин, с.64].

На основе выкладок Д. Киселёва вырисовывается принципиально иная модель ведения идейно-идеологических баталий в современном информационном пространстве, основанная на творческих качествах, широте взглядов, профессиональном опыте и идейной убежденности «харизматических» теле- и радиоведущих. Как указывает Киселёв, «нельзя сказать, что есть какая-то живая, постоянно пульсирующая кремлевская вертикаль, которая проходит сквозь меня. Её нет». Ушли в прошлое «накачка два раза в день, каждое утро созвон, летучки, контроль, вызовы на ковер, – этого нет.

У нас отношения с сотрудниками администрации президента, как у коллег. Наши усилия взаимодополняющие, основанные на доверии, а не на приказах» [Киселёв, Злобин, с. 64].

Важной частью нового механизма воздействия как на российскую, так и на зарубежную аудиторию стали многочисленные политические и общественные ток-шоу на всех ведущих российских федеральных телеканалах, построенные на конфликте и даже антагонизме высказываемых точек зрения. Как подчеркивает Д. Киселёв, «сам факт таких программ основан на конфликте мнений. Это часть драматургии. Без конфликта не о чем спорить, а у нас – до хрипоты». [Киселёв, Злобин, с. 72–73]. И далее достаточно откровенно поясняет: «Если бы существовал лишь «государственный стандарт», то тебя, Коля, не приглашали бы в наши студии. А так – есть ты. Да ещё в таком объеме, что тебя и на улицах люди узнают» [Киселёв, Злобин, с. 73].

Этот абзац как нельзя лучше характеризует фундаментально новые теоретические принципы, сознательно или бессознательно положенные (либо эмпирически нащупанные) в основу современной информационной политики России. В условиях Интернета и доступа широких слоев населения каждой развитой страны практически ко всем мировым СМИ объективным состоянием информационной среды – по крайней мере, преломленной в сознании рядовой аудитории, – является *состояние хаоса*. Теоретическое изучение свойств хаоса в природных сферах (физических, химических, биологических), начавшееся в 1960-х годах, привело ряд ведущих зарубежных исследователей-математиков – в частности, Э. Лоренца (1917–2008) – к выводу, что хаотические системы имеют тенденцию эволюционировать в направлении сложных геометрических фигур, по большей части напоминающих бабочек, вернее, их крылья [Ghys, p. 24–28].

Этот процесс происходит благодаря существованию «странных аттракторов» – точек или ограниченных пространственно-временных областей, обладающих свойством *притягивать* находящиеся в хаотическом состоянии вещества или энергетические точки природных систем. Согласно математическому определению, «странный аттрактор» представляет собой набор величин в пространстве, к которым тяготеют системы или их элементы. Роль «странного аттрактора» могут играть точка, набор точек, линия, фрактал. Процесс притягивания основан на том, что системы с набором величин, совпадающих с набором величин аттрактора, имеют тенденцию оставаться в его поле, увеличивая тем самым сферу его действия. Противоположным процессом является отталкивание [Willms, p. 6].

По сути, новая информационная политика России и строится на положениях теории аттракторов. Как подчеркивает Д. Киселёв, в российских СМИ «абсолютное многоголосие, полифония» [Киселёв, Злобин, с. 48], создаваемая «целой плеядой журналистов, которые работают на смысл» [Киселёв, Злобин, с. 70]. Поэтому «у каждого свой ракурс, свой взгляд. У публики есть выбор. Есть дискуссии в прямом эфире, многочасовые, ежедневные, приглашают туда и кандидатов в президенты, и фриков, и кого угодно. И именно это разнообразие, информационная полнота и корректность для публики очень привлекательны» [Киселёв, Злобин, с.48].

В мировом информационном пространстве, и особенно в США и Великобритании, классическим «странным аттрактором» стала телекомпания RT («Россия сегодня»), учрежденная в 2005 г. (главный редактор – М. Симоньян). Согласно официальной информации с сайта RT, телеканал «предлагает альтернативный взгляд на текущие события, освещая сюжеты, не попавшие на страницы и экраны мировых СМИ, а также знакомит свою аудиторию с российской точкой зрения на важнейшие международные события» [About RT].

Стремление Н. Злобина понять новый механизм формирования и реализации информационной политики России становится более понятным в свете современных западных, главным образом американских и английских, оценок эффективности ее воздействия на зарубежную аудиторию. Пожалуй, одним из самых резонансных в этом отношении явился открытый вариант сверхсекретного доклада директора Национальной разведки США. Доклад был опубликован в январе 2017 г. под витиеватым названием «Предпосылки «Оценки деятельности и намерений России на американских выборах»: аналитический процесс и установление авторов кибер-происшествия» и послужил основой для всех последующих попыток сил, оппозиционных президенту Д. Трампу, представить его избрание как прямое следствие целенаправленного использования различных инструментов и каналов современного информационного пространства. Среди таких инструментов на первое место были поставлены передачи телеканала RT и радиостанции «Спутник».

Их деятельность была признана «самой дерзкой попыткой влияния» на внутриполитические процессы в США, которые превзошли все кампании информационных войн эпохи холодной войны. В докладе делался общий вывод о том, что «российские усилия по оказанию влияния на выборы президента США в 2016 г. представляют собой существенную эскалацию по сравнению с прошлыми попытками в плане открытости, уровня действий и масштаба приложенных усилий. Мы считаем, что кампания влияния на президентские выборы 2016 г. отражала признание Кремлем того факта, что массовые разоблачения американской политики имеют всемирный эффект...» [Office of the Director...p. 5].

При этом было особо подчеркнуто, что «российская государственная пропагандистская машина, включающая внутренние СМИ и работающие на иностранную аудиторию глобальные медиа, такие как RT и «Спутник», а также сети квазиправительственных «троллей», участвовала в кампании влияния, выступая в роли платформы Кремля для передачи сообщений внутренней и иностранной аудитории» [Office of the Director... p. 3]. Из дальнейших аналитических выкладок и обширной справочной информации об RT недвусмысленно вытекало – во всяком случае, составители американского доклада стремились создать такое впечатление, – что именно RT и «Спутник», не считая, естественно, «главного пропагандиста Путина Дмитрия Киселёва» [Office of the Director... p. 4], и избрали в конечном итоге 45-м президентом США Д. Трампа.

Аналитики разведывательного сообщества США указали в своем докладе, что потенциальная аудитория RT в США может составлять не менее 85 млн человек! [Office

of the Director... p. 10]. Классический эффект, постулируемый теорией «странных аттракторов»¹.

«Репрессии» в духе холодной войны со стороны США последовали незамедлительно. Под ультимативным давлением американских властей в ноябре 2017 г. RT и «Спутник» были вынуждены зарегистрироваться в качестве «иностранных агентов» в соответствии с Законом 1938 г. о регистрации иностранных агентов [Wilson], а RT была лишена аккредитации при Конгрессе США.

«Культурная война» в Америке и сравнительная эффективность информационных баталий

Одно из центральных мест в диалогах Д. Киселёва и Н. Злобина заняли проблемы общественных перемен в Америке и России с начала 1990-х годов, с момента окончания конфронтации времен холодной войны. Подход, обрисованный Киселёвым, сформулирован предельно чётко: «Сейчас у нас не Советский Союз, у нас общество, которое очень сильно отличается от советского» [Киселёв, Злобин, с. 112]. В другом месте он указывает, что зарубежные СМИ, в том числе американские, исходят из того, «что Советский Союз, что Российская империя, что сегодняшняя Россия – одно и то же. Мне кажется, это такая ригидность, заскорузлость, отсутствие пластичности восприятия, которые поддерживаются прессой» [Киселёв, Злобин с. 278]. Тем самым Киселёв точно диагностирует базовый алгоритм американской стратегии ведения информационной войны против современной России, который, возможно, и является самым уязвимым местом медийного поведения США.

Продолжая свою мысль, Д. Киселёв указывает, что российские представления об Америке претерпели за последние 15–20 лет существенные изменения. «Если бы мы с такими мерками подходили к Соединённым Штатам – а мы помним, что там действительно темнокожих людей вешали еще совсем недавно, – то над нами смеялись бы. То есть страны все же меняются. Ещё отец Обамы ездил на задней скамейке автобуса – для цветных. И если бы мы так подходили, не видя перемен, – мне кажется, это было бы несправедливо в отношении Америки» [Киселёв, Злобин, с. 278].

Н. Злобин мастерски подстраивается под эту линию рассуждений и, походя фальсифицируя историю США XIX в., пытается законсервировать стереотипы советской пропаганды времен холодной войны. «В том-то и дело, – восклицает он, – что так и подходят! Как только дискуссия об Америке, сразу же вспоминают и негров, и индейцев – хотя конкретно к Соединённым Штатам индейцы почти никакого отношения не имеют, – и атомную бомбу, сброшенную на Хиросиму семьдесят с лишним лет назад», указывая при этом, что «Америка – молодая страна, ее история гораздо короче российской.

1 Эффект «крыльев бабочки», впервые сформулированный в начале 1960-х годов, был определен следующим образом: «Бабочка могла бы взмахнуть крыльями и привести в движение молекулы воздуха, которые могли ускорить движение других воздушных молекул, что в свою очередь привело бы в движение огромные массы воздушных молекул, и в конце концов на противоположной стороне планеты мог возникнуть мощный ураган!» [Andrews, p.6].

И темпы изменений в этой короткой истории гораздо выше российских» [Киселёв, Злобин, с. 279].

Глобализация информационного пространства, безусловно, способствовала резкому повышению информированности российского общества о процессах и изменениях, происходящих в американском обществе. Не говоря уже о возможности для десятков и сотен тысяч «бывших» и настоящих россиян составить собственное представление и об «американском рае», и о «заокеанском аде», и о «чистилище» для иммигрантов, хлынувших в «страну обетованную» с начала 1990-х годов. Именно колоссальный приток иммигрантов – как легальных, так и нелегальных – стал, пожалуй, одним из самых видимых (и наиболее болезненных для США) факторов, резко изменивших культурологическое поле американского общества.

Достаточно отметить, что если в начале 1990-х годов в США ежегодно прибывали 1,0 млн иммигрантов, то на рубеже XX–XXI вв. их приток увеличился до 1,5 млн человек [Passel, p. 3]. в результате произошел колоссальный скачок абсолютной и относительной численности иммигрантского населения США, то есть лиц, рожденных за пределами Америки. Так, если в 1990 г. численность этой группы населения составляла 19,8 млн человек, или 7,6% общей численности американцев, то к 2000 г. она возросла до 31,1 млн (11,1%), к 2010 г. – до 40,0 млн (12,9%), а в 2017 г. достигла 44,5 млн (13,7%) [Migration Policy Institute].

Отнюдь не случайно «иммигрантское цунами» начала 1990-х годов совпало с появлением в 1991 г. монографии профессора социологии и религиоведа Вирджинского университета Дж. Хантера «Культурная война: борьба за самоопределение Америки». Базовая концепция монографии была проста: на смену религиозным войнам Средневековья пришла «культурная война» Современности, проистекающая из полярно противоположных (как сказали бы ранее – антагонистических) взглядов практически на все стороны американской общественной жизни. Обсуждение в американском обществе таких проблем, как аборт, свобода ношения оружия, отделение церкви от государства, неприкосновенность частной жизни, употребление наркотиков, положение сексуальных меньшинств, цензура, и многих других все в большей степени попадало в «силовое поле» взаимоисключающих оценок и суждений, что и генерировало феномен «культурной войны», в конечном итоге направленной на взаимную аннигиляцию дебатующих сторон.

Как впоследствии указывал Дж. Хантер, «культура прежде всего и главным образом играет символическую роль. Ее основное назначение – дать названия предметам и тем самым очертить контуры реальности, создать нормы-рамки для общественных дебатов». Американский религиовед резюмировал, что «самые кровавые столкновения в настоящее время происходят вокруг символов» [Is there...]. В этом плане на смену холодной войне, как фактору самоопределения идентичности Америки, с начала 1990-х годов стала приходиться «культурная война», которая постепенно к началу второго десятилетия XXI в. и поляризовала американское общество, особенно его политическую систему [Willick, p. 2].

Процесс поляризации состоял в том, что на протяжении последних 20–25 лет «ядра» генезиса полярных взглядов по обе стороны политического спектра («крайне либеральные» и «крайне консервативные»), доля которых в общей численности американского населения не превышает примерно 5–7%, постепенно распространили свое влияние на более широкие следующие концентрические круги людей, ориентированных на либеральную и консервативную идеологию, доля которых составляет порядка 12–15% населения, а те, в свою очередь, привнесли раскол в американское «идейно-политическое болото», общая численность которого достигает в совокупности от 30 до 40% населения. Таким образом, по меньшей мере 60 млн политически активных американцев оказались на передовой линии «культурной войны» XXI столетия [Is there...].

В результате Республиканская и Демократическая партии превратились в два враждующих лагеря, живущих в разных социально-экономических «реалиях». В этих условиях рациональное решение политических и общественных проблем Америки стало невозможным или крайне труднодостижимым. В ситуации «культурной войны» конкурентные начала американской политической и общественной системы быстро стали превращаться в свои противоположности, пагубно сказываясь на самой общественной системе США.

Н. Злобин активно «лоббирует» главную, с его точки зрения, особенность американского менталитета – «американцы очень не любят монополии и считают, что монополии всегда заканчиваются плохо». По его представлению, «американцы верят в конкуренцию, в борьбу лучших. Их внутреннее законодательство, внутреннее экономическое и политическое устройство – это на девяносто девять процентов механизмы недопущения монополизации, экономической или политической, внутри страны. Это основа американской жизни» [Киселёв, Злобин, с. 196–197].

Однако «культурные войны» последних двух десятилетий в Америке сделали невозможным традиционное двухпартийное согласие даже по самым основополагающим общественным проблемам: сильная оборона, эффективная система социальной безопасности, недопустимость чрезмерного вмешательства государства в социально-экономическое развитие. Как указывает американский писатель и политический обозреватель М. Грюнвальд, отличительной особенностью современной американской конкурентной политической борьбы стала «трансформация даже беспартийных проблем в безумные битвы за политические партийные базы, что делает практически невозможным решение политиками проблем в двухпартийной системе. Сотрудничество и компромисс начинают выглядеть как капитуляция или даже как предательский сговор с врагом» [Grunwald].

Именно на «культурной поляризации» внешних и внутренних проблем американского общества блестяще сыграли российские СМИ, главным образом RT и «Спутник», которые – оставим это утверждение на совести М. Грюнвальда – спровоцировали «протесты и контрпротесты по таким горячим вопросам, как полицейские перестрелки и пограничная стена Трампа» [Grunwald]. Идущую в США полным ходом «культурную войну» прекрасно видят в России. Как образно указал в этой связи Киселёв, «вот победил

на выборах Дональд Трамп. И такое впечатление, что он натянул на Америку мокрую майку. И ткнул в неё два провода из розетки. Страну, да и весь мир трясет так, что я подобного и не припомню. И в самом Белом доме черт знает что творится. Кадровая чехарда, интриги, анонимки, поклепы, nepoтизм, какая-то «группа внутреннего сопротивления»...» [Киселёв, Злобин, с. 147].

Из фундаментальной особенности современного института президентской власти в США, позволившей Д. Трампу стать первым в американской политической истории президентом «культурной войны», проистекает многое, в том числе и обвинения в адрес России по поводу вмешательства в американские выборы 2016 г. Фактически Трамп, сознательно или бессознательно, превратился в президента, ведущего к разделению, а не сплочению американской нации [Scher]. Используя свои властные полномочия – например, принимая решение о временной приостановке деятельности ряда федеральных министерств и ведомств в декабре 2018 г. – январе 2019 г. – он апеллирует исключительно к своей избирательной политической базе, вместо того чтобы формировать политическую базу для достижения рациональных целей внутренней и внешней политики (например, получения дополнительного финансирования для укрепления режима безопасности на американо-мексиканской границе). В самих США косвенным образом признается, что Россия в отношении западных стран, и в частности США, в настоящее время использует принципиально иную стратегию информационного противостояния. Так, согласно официальному докладу Исследовательской службы Конгресса, США несколько упрощенно подходят к пониманию целей и задач информационной войны, под которой американцы «обычно понимают использование и управление информационными потоками для получения и использования конкурентных преимуществ, включая наступательные и оборонительные действия». США буквально воспринимают понятие «информационная (политическая) война», которая трактуется как «использование политических средств для принуждения противника к подчинению американской воле». Однако существует и другой подход к ведению информационных войн, основанный «на стратегии «разделяй и властвуй», нацеленной на гражданское общество, чтобы посеять неразбериху в конкретных социальных группах и создать тем самым паралич в принятии решений» [Congressional Research Service... p. 2].

Таким образом, в своем позиционировании в мире и, в частности, в информационной политике, обращенной к внешнему миру, Россия извлекла уроки из опыта советского прошлого.

Обострение идейно-идеологического противостояния в многополярном мире

В начале 1990-х годов, после распада СССР и принятия современной Россией идей и ценностей демократии, рыночной экономики, международной открытости, быстро сформировался устойчивый стереотип, что идеологическое противостояние России и США, евразийского Востока и «коллективного» Запада стало достоянием истории, что оно было специфическим феноменом XX в., когда после 1917 г. мир оказался разделенным на две противоборствующие социально-экономические и политические системы – социализм и капитализм.

На фоне эйфории как в России, так и в США относительно того, что в эпоху «конца истории» идейно-идеологические разногласия не будут более омрачать российско-американские отношения, раздался скептический голос известного американского политолога, профессора Гарвардского университета С. Хантингтона (1927–2008). Выдвинув и обосновав теорию «столкновения цивилизаций», которое придет на смену идеологической войне между социализмом и капитализмом, он достаточно точно спрогнозировал первопричину грядущего идейно-информационного столкновения между Россией и Западом (США).

С. Хантингтон подчеркнул, что, «конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом, несмотря на все существенные различия между ними, являлся борьбой между идеологиями, которые в целом в качестве конечных целей признавали свободу, равенство и процветание». Цели же «традиционной, авторитарной и националистической России могут быть совершенно иными», и поэтому «западный демократ мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом», однако для него «было бы практически невозможно вести дискуссию подобного рода с российским традиционалистом». Поэтому, пророчествовал гарвардский профессор, если «русские откажутся от марксизма-ленинизма и при этом одновременно отвергнут ценности либеральной демократии и начнут вести себя как истинные русские, но не как западники, то отношения между Россией и Западом вновь могут стать весьма прохладными и конфликтными» [Huntington, p. 44–45].

Можно сказать, что с этой точки зрения российско-американские отношения были чуть ли не «обречены» на информационную войну 2.0. Высказывания Д. Киселёва, по сути, можно рассматривать как конкретизацию тезисов С. Хантингтона. «Я считаю, – заявил Киселёв, – что советская мораль и советская система потому во многом рухнули, что они противоречили традиционным российским нормам, представлениям о должном и недолжном, о человеческом. Попросту говоря, противоречили человеческой природе» [Киселёв, Злобин, с. 112].

Это высказывание рельефно отражает сущность и возможные последствия информационной войны 2.0 между Россией и США. Во-первых, это именно БИТВА, а не диалог или интеллектуальный спор; во-вторых, её интенсивность определяется тем, что на карту поставлено «глубоко личное», «человеческая природа» спорящих сторон. Как указывает Н. Злобин – и здесь заокеанскому политологу можно верить, – «Америка ни с кем сегодня не будет говорить на равных. Это очевидно». Д. Киселёв резюмирует: «Это плохо кончится. И прежде всего для самой Америки» [Киселёв, Злобин, с. 285]. Информационная война 2.0 между Россией и США сравнительно быстро стала вестись с помощью двух самых разрушительных идеологических оружий «массового поражения» – русофобии и антиамериканизма. Злобин охотно признает, что в настоящее время идет процесс «демонизации России на Западе» и он дал свои плоды, что «на самом деле имидж России в Америке просто отвратительный» и «десятилетия пройдут, прежде чем отношение к России изменится к лучшему» [Киселёв, Злобин, с. 426, 250, 248].

Д. Киселёв точно подмечает, что *«не надо расчеловечивать образ России, а потом на этом основании отягощать межгосударственные отношения и нарушать договоренности, вводить какие-то ограничения, санкции, выносить политические суждения и вердикты, подхлестывать гонки вооружений и, образно говоря, ставить Россию в перекрестке прицела»* [Киселёв, Злобин, с. 248] (выделено мной – В.В.). В этом и состоит самая большая опасность информационной войны 2.0 по сравнению с советско-американским идеологическим противостоянием в период с 1947 г. по конец 1980-х годов. В основе идеологической конфронтации XX в. лежала борьба вокруг достоинств и недостатков достаточно абстрактных для обыденного сознания общественных систем – социализма и капитализма. Идеологические стереотипы «коммунисты» vs «капиталисты» также носили расплывчатый и неконкретный характер: десятки миллионов коммунистов противостояли миллионам капиталистов, и всегда можно было сказать, что и среди коммунистов, и среди капиталистов – с человеческой точки зрения – есть «достаточно разные люди», что охотно признавалось даже официальной идеологией СССР и США.

Демонизация граждан России и США носит вполне конкретный и доходчивый характер. Перефразируя Д. Киселёва, можно сказать, что «в перекресток прицела» огнестрельного оружия легко взять как «россиянина», так и «американца».

СССР и США как общественные системы находились под прицелом межконтинентальных баллистических ракет (МБР), запрятанных где-то глубоко под землей в хорошо замаскированных пусковых шахтах. И это обстоятельство, возможно, в немалой степени способствовало тому, что идеологическое противостояние между СССР и США закончилось без «единого применения» ядерного и какого-либо другого оружия.

С антиамериканизмом все обстоит существенно сложнее. В качестве отправной посылки для понимания специфики антиамериканских настроений в России можно взять высказывания Н. Злобина о том, что «мы живем в американизированном до предела мире» и «мир сегодня настолько американский, каким он не бывал никогда» [Киселёв, Злобин, с. 307]. С рубежа 1980–1990-х годов, когда в мире стали полным ходом развиваться процессы глобализации, многие исследователи прямо заговорили о том, что глобализация – это не более чем эвфемизм для американизации мира, для превращения США в глобального гегемона. Уже в начале XXI в. японский специалист-международник Ё. Симэмура писал, что «более радикальные критики гомогенизации мировой культуры считают глобализацию формой «культурного империализма», утверждая при этом, что идущая под руководством США глобализация подрывает местные и религиозные культуры и стимулирует распространение американских товаров массового потребления и американского образа жизни в каждом уголке Земного шара. Они указывают при этом, что Америка навязывает американские стандарты, т.е. американскую систему ценностей, с её упором на права человека, демократию и свободную конкуренцию» [Shimemura, p. 81].

С начала 1990-х годов Россия превратилась в своего рода «общенациональный центр по изучению США», последовательно пройдя стадии постижения Америки, на-

чиная от «поверхностной» романтической влюбленности в нее и кончая знакомством с ее цивилизационной «стервозной сущностью» [Киселёв, Злобин, с. 172–173]. В ходе этого углубленного знакомства с американским образом жизни и менталитетом выявилась одна достаточно удивительная особенность Америки, своего рода парадокс, состоящий в том, что самыми большими в мире антиамериканцами являются сами американцы! И Н. Злобин вольно или невольно признает это, делая особый акцент на том, что «и «Уотергейт», и «Левински-Клинтон», и «Иран-контрас», и офшоры в Панаме, и арабские связи семьи Клинтон, – все эти и многие другие скандальные сюжеты раскопаны именно американскими журналистами. Все плохое, что мир знает об Америке, он знает благодаря американской журналистике» [Киселёв, Злобин, с. 186] (выделено мной – *В.В.*).

Фактически современный антиамериканский настрой российских СМИ не является антиамериканизмом, заимствованным из советского прошлого. Он скорее стал разновидностью «плагиата», вследствие которого «розово-гламурные» картинки американского образа жизни были заменены на «очерняющие» США материалы, публикуемые в самих США.

Тот факт, что антиамериканизм широко распространен в мире, подтверждают результаты опроса общественного мнения, проведенного социологической службой Pew Research Center в 25 странах весной 2018 г. и опубликованные осенью того же года. Положительно к США (с рейтингом одобрения свыше 50% опрошенных респондентов в каждой стране) относятся в 50% стран, отрицательно (с рейтингом одобрения ниже 50%) – в 43% стран. При этом самым большим парадоксом стало то, что хуже всего к Соединенным Штатам относятся их ближайшие соседи – Мексика и Канада (соответственно 32% и 39% положительно относящихся к США) [Trump's... р. 3, 6].

Результаты этого опроса имеют фундаментальный политический и культурно-социологический смысл. Они означают, что чем ближе внешний мир знакомится с американской цивилизацией, чем глубже он проникает в ее сущность, тем большее отторжение начинает вызывать Америка, тем в большей степени среди населения различных стран, включая политические элиты, начинают расти антиамериканские настроения.

«Бойтесь данайцев, даже дары приносящих»

В заключение остановимся более подробно на методологии и далеко идущей направленности аргументов Н. Злобина. Нет смысла разбирать каждый из его тезисов, содержащих критику различных сторон жизни современного российского общества, внешнюю и внутреннюю политику российского руководства, – при всей, на первый взгляд, справедливости многих из них. Правда, некоторые рассчитаны на малоинформированных читателей и имеют сугубо «внутреннее» российское прочтение. Не следует забывать, что Злобин тоже является умелым пропагандистом, достаточно хорошо ориентирующимся в лабиринтах «загадочной» российской ментальности.

Так, он с пафосом восклицает: «Вот я, живя в Америке, не могу себе представить, чтобы президент Обама или Трамп проводили прямую линию, где им бы звонили и говорили: «Проведите газ в нашу деревню, господин президент! Мы тут замерзаем!» Или просили выкопать наконец колодец, или построить детскую площадку. Это же абсурд!» [Киселёв, Злобин, с. 413]. Однако Н. Злобину можно напомнить эпизод с водным кризисом в г. Флинт (шт. Мичиган), разразившимся в 2014 г. и вызвавшим огромный резонанс в США. С 2014 г. в систему питьевого водоснабжения этого городка вследствие многих факторов стала поступать вода с огромным содержанием свинца, вызывающего серьезные заболевания легких, нервной системы и органов пищеварения. Бездействие местных властей и их финансовые трудности привели к тому, что жители городка напрямую обратились в Белый дом. По личному распоряжению Б. Обамы в январе 2016 г. для ликвидации загрязнения в системе питьевого водоснабжения г. Флинт было выделено 5 млн долл. из федерального бюджета [Flint Water...], а в начале мая 2016 г. Б. Обама лично посетил г. Флинт, дабы на месте удостовериться в действенности принятых мер, и даже демонстративно выпил стакан очищенной по новой технологии воды из системы водоснабжения [Libby]. Так что насчет «выкопать новый колодец» – с поправкой на американскую специфику, – это не только про российского президента.

«Ручное управление» американским бизнесом (как средним, так и крупным) стало отличительной особенностью стиля руководства экономикой со стороны Д. Трампа. В 2016 г. во время избирательной кампании он призвал своих сторонников бойкотировать продукцию корпорации Apple за то, что она переносит производство в Китай, а в январе 2018 г. позвонил председателю совета директоров Apple Т. Куку и лично поблагодарил его за обнародованные в начале 2018 г. планы корпорации инвестировать в американскую экономику 350 млрд долл. [Balakrishnan]. Так что уделять внимание детским площадкам или многомиллиардным инвестициям в экономику – это проблема президентских приоритетов, хотя в иные времена *детские площадки могут оказываться* гораздо важнее *планов крупного бизнеса* по возвращению производственных мощностей из-за океана.

Где-то в середине диалогов Н. Злобин достаточно откровенно обрисовал конечную цель своей линии дебатов с Д. Киселёвым: побудить его (а заодно и российское руководство) принять «эффективный конвейер американской государственной власти и поставить его у себя»: «Так вот, государство – это тот же конвейер Форда. Это структура, институт, функция. Ничего сакрального тут нет. Это не какой-то миф, не загадка. Это конкретная системная функция. Мы, американцы, создали почти идеальное на сегодняшний день государство. Оно функционирует независимо от того, какой человек занимает офис в Белом доме. Защита от дурака, разные балансы и сдержки – все это есть. Ну так возьмите это государство, как вы уже взяли наши лекарства, витамины, конвейер Форда, айпад, телефон, компьютер» [Киселёв, Злобин, с. 192].

Иными словами, идеологические установки США (и «коллективного Запада») в отношении России в ходе информационной войны 2.0 остаются теми же, что и в ходе информационной войны с Советским Союзом. Холодная война закончилась распадом СССР именно потому, что его руководство на рубеже 1980–1990-х годов попыталось принять

американизированную политическую и государственную систему. По существу, правящие круги США сейчас не скрывают, что наиболее желательным для них исходом информационной войны 2.0 должен стать «распад России» [Bugajski]. Поэтому нельзя не согласиться со Н. Злобиным, который, подводя итоги своей идейной дуэли с Д. Киселёвым, заявил: «...мы, к сожалению, обречены на относительно долгий период конфронтационной внешней политики», поскольку «мы уже никогда не вернемся к той политической эйфории и тем отчасти наивным проектам глобального переустройства, которые сложились после окончания холодной войны и распада СССР» [Киселёв, Злобин, с. 445]. Информационное противостояние России и «коллективного Запада», видимо, будет носить длительный характер, а по накалу и остроте во многих отношениях будет даже превосходить идейное противоборство между СССР и США в период холодной войны.

Литература

- Васильев В.С.* Меняющаяся Америка: размышления над «Империей свободы» Н. Злобина // Перспективы. Электронный журнал. 2017. №1(9). С. 101–109. – URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/b15/1_2017.pdf (дата обращения: 18.02.2019).
- Васильев В.С.* Анатомия трампа: команда 45-го президента США. // Перспективы. Электронный журнал. 2017. №3(11). С. 52–62. – URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/772/3_2017_2_.pdf (дата обращения: 18.02.2019).
- Киселёв Д., Злобин Н.* Киселёв vs Zlobin. Битва за глубоко личное. М. 2019.
- About RT // RT. Question More. – URL: rt.com/about-us/ (date of access: 18.02.2019).
- Andrews A.* The Butterfly Effect: How Your Life Matters. Naperville. 2009.
- Balakrishnan A.* Trump says he called and thanked Tim Cook after Apple revealed its US investment plan // CNBS. Jan 19 2018. – URL: cnbc.com/2018/01/18/trump-called-and-thanked-ceo-tim-cook-after-apples-jobs-announcement.html (date of access: 18.02.2019).
- Bugajski J.* Managing Russia's dissolution // The Hill. 01.09.19. – URL: thehill.com/opinion/national-security/424511-managing-russias-dissolution (date of access: 18.02.2019).
- Congressional Research Service. Information Warfare: Issues for Congress. March 5, 2018. R45102. II + 16 pp.
- Flint Water Crisis Fast Facts // CNN. December 6, 2018. – URL: edition.cnn.com/2016/03/04/us/flint-water-crisis-fast-facts/index.html (date of access: 18.02.2019).
- Ghys É.* The Lorenz Attractor, a Paradigm for Chaos // Chaos. Poincaré Seminar 2010. Basel, Springer. 2013. Pp 1–54.
- Grunwald M.* How Everything Became the Culture War // Politico Magazine. November/December. 2018. – URL: politico.com/magazine/story/2018/11/02/culture-war-liberals-conservatives-trump-2018-222095 (date of access: 18.02.2019).
- Huntington S.* A Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. Pp. 22–49.
- Is There A Culture War? Transcript // Pew Research Center. Religion & Public Life. May 23, 2006. – URL: pewforum.org/2006/05/23/is-there-a-culture-war/ (date of access: 18.02.2019).
- Libby N.* Why President Obama just drank the water in Flint // Vox. May 4, 2016. – URL: vox.com/2016/5/4/11591894/obama-flint-water (date of access: 18.02.2019).
- Migration Policy Institute. U.S. Immigrant Population and Share over Time, 1850–2017. – URL: migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/immigrant-population-over-time (date of access: 18.02.2019).

Office of the Director of National Intelligence. Background to «Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections»: The Analytic Process and Cyber Incident Attribution. ICA 2017–01D. 6 January 2017.

Passel J., Suro R. Rise, Peak, AND Decline: Trends in U.S. Immigration 1992–2004. Pew Hispanic Center. Report. September 27, 2005. – URL: pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/5/reports/53.pdf (date of access: 18.02.2019).

Scher B. The Culture War President // Politico Magazine. September 27, 2017. – URL: politico.com/magazine/story/2017/09/27/trump-culture-war-215653 (date of access: 18.02.2019).

Shimemura Yo. Globalization vs. Americanization: Is the World Being Americanized by the Dominance of American Culture // Comparative Civilizations Review. Fall 2002. Pp. 80–91.

Trump's International Ratings Remain Low, Especially Among Key Allies. Most still want U.S. as top global power, but see China on the rise. Pew Research Center. October 1, 2018.

Willick J. The Man Who Discovered 'Culture Wars' // The Wall Street Journal. May 25, 2018. P. 7.

Willms St., Werner M. The Lorenz Attractor. Theory of strange Attractors and the chaotic Butterfly-Effect. Proseminar ITP – 15.07.15. Leibniz Universität Hannover. 2015.

Wilson M. Russian news outlet Sputnik registers with DOJ as foreign agent // The Hill. 11.17.17. – URL: thehill.com/business-a-lobbying/business-a-lobbying/360912-russian-news-outlet-sputnik-registers-with-doj-as (date of access: 18.02.2019).